

Eyforis Lurt

Добрые Сказки

«Автор»

2026

Lurt E.

Добрые Сказки / Е. Lurt — «Автор», 2026

Перед вами сборник из десяти тёплых и поучительных сказок, созданных специально для малышей. Каждая история — это маленький урок доброты, дружбы и благодарности, который в лёгкой, игровой форме поможет ребёнку понять важные жизненные истины. Вместе с колючим Ежиком, который учится замечать солнце, жадным Зайкой, познавшим радость щедрости, и скромным Одуванчиком, открывшим секрет настоящей красоты, юные читатели отправятся в волшебное путешествие. Они увидят, как Муравьишка доверился Капельке, а Светлячок нашёл друга в тёмной норе. Сказки учат детей смотреть на мир с позитивом, заботиться о природе, ценить каждое мгновение и всегда говорить «спасибо». Герои попадают в ситуации, где взаимовыручка и уважение к окружающим творят настоящие чудеса. Это идеальное чтение перед сном для формирования доброго сердца и светлого взгляда на мир.

© Lurt E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сказка о том, как Ежик нашел солнце	5
Сказка про Зайку-Жадину и речку	13
Сказка о веточке и скворце	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Eyforis Lurt

Добрые Сказки

Сказка о том, как Ежик нашел солнце

Глава 1. Утро недовольного колючки

В одном густом-прегустом лесу, который люди называли Заветным, потому что его обходили стороной даже самые смелые грибники, жил да был Ежик. Да не простой Ежик, а удивительно колючий — не столько иголками, сколько характером. Звали его Ворчун, хотя мама-Ежиха дала ему при рождении звучное имя Шурш. Но никто не называл его так, потому что стоило кому-то окликнуть Ежика по имени, как он тут же начинал фыркать и недовольно топотать лапками.

Утро в Заветном лесу всегда начиналось прекрасно. Солнце просыпалось лениво, протирая золотые глаза о верхушки сосен, птицы заводили свои бесконечные разговоры, а ветерок перешептывался с листьями. Но только не для Ежика Шурша. Он просыпался раньше всех — и непременно в дурном расположении духа.

Первым делом он выползал из своего уютного гнездышка под корнями старого дуба, морщил черный носик и произносил свою коронную фразу:

— Всё не так! — шипел он, сердито поправляя колючки, которые за ночь сбились набок. — Трава слишком мокрая! Она противно холодит лапы, и к тому же от нее пахнет сыростью, а не росой, как должно быть. И грибов мало! В прошлом году под этим самым кустом рос целый боровик, а сегодня — одни поганки да сыроежки. И солнце! Оно лезет прямо в глаза. Куда смотрит лесничий? Почему не прикажет тучам закрыть эту противную яркую половинку?

Он ворчал на извилистый ручей, который слишком громко журчал по утрам, ворчал на дятла, который слишком рано начинал свой «телеграфный» стук, и даже на муравьев, которые, по его мнению, слишком суетливо бегали по своим делам, создавая ненужную панику.

Лесные жители привыкли к его нраву. Белка, которая жила на соседней сосне, при встрече с Шуршем только смешно чихала и прятала орешки подальше — вдруг он начнет ворчать, что орешки слишком крупные или, наоборот, мелкие. Старый филин, который дремал в дупле, иногда приоткрывал один глаз и ухал:

— Ух-х. И откуда в таком маленьком тельце столько недовольства? Ух-х. Трава мокрая — это хорошо, следы не пылят. Грибов мало — значит, мыши сытые. А солнце... Эх, Шурш, солнце — это счастье.

Но Ежик только фыркал в ответ и утыкался носом в мох. Он не хотел слушать мудрых советов. Ему казалось, что весь мир подстроил заговор, чтобы досадить именно ему. Дождь — это плохо, потому что промокают иголки. Ветер — это плохо, потому что разносит его запах по лесу, и его могут найти враги. Жара — это тоже плохо, потому что он потеет, и шубка становится липкой.

И так Шурш жил день за днем, из месяца в месяц. Его маленькое сердце, которое могло бы биться в унисон с лесной музыкой, было запечатано в панцирь колючей злости. Он даже не замечал, как прекрасно пахнет утренний лес, смешивая ароматы нагретой сосновой коры, мяты и земляники. Он видел только лужи, а не зеркала неба. Он слышал только громкий стук дятла, а не ритм лесной жизни. Он чувствовал только холод травы, а не нежность земли, которая держит его на себе.

Глава 2. Тропинка и неожиданная встреча

Однако в один из дней, который ничем не отличался от других — солнце опять «лезло в глаза», а трава, как назло, оказалась мокрее обычного, — Ежик Шурш решил отправиться на дальнюю поляну. Ему казалось, что там, за поворотом старой ольховой тропы, трава чуть суше, а грибы чуть крупнее.

Он шел, сердито сопя и переставляя свои короткие лапки. Колючки его звонко цокали о камешки, создавая ритм, похожий на раздраженную дробь. Он уже собирался в сотый раз пробурчать что-то о несправедливости мироустройства, как вдруг его острую мордочку коснулся странный звук. Это был не шелест листьев и не пение птиц. Это был тоненький, жалобный, прерывистый писк.

Ежик остановился как вкопанный. Он насторожил свои чуткие ушки, которые почти сливались с колючками на голове. Писк повторился, и в нем слышалась такая неподдельная тоска, что даже вечно недовольное сердце Шурша дрогнуло.

Он свернул с тропинки и заковылял в высокую траву, которая, к его удивлению, сейчас не казалась ему такой уж неприятной. В тени большого лопуха, свернувшись в крошечный, почти незаметный желтый комочек, сидел... Цыпленок. Самый настоящий, но не лесной, а, видимо, сбежавший из соседней деревни или выпавший из гнезда дикой курицы. Он был весь мокрый, несмотря на то, что дождя не было. Его легкие перышки слиплись, придавая ему вид маленькой, замотанной в мокрую тряпочку трясогузки.

Цыпленок дрожал. Его тельце сотрясала мелкая дрожь, и каждый писк вырывался из его острого клюва вместе с облачком холодного пара.

— Ты... ты кто? — спросил Ежик, хотя прекрасно видел, кто перед ним. Просто он никогда в жизни не разговаривал с цыплятами. Они были слишком «далекими» от его лесной жизни.

Цыпленок поднял на него огромные, черные как бусинки глаза, в которых стояли слезы.

— Я потерялся... — пискнул он, и голос его сорвался на всхлип. — Я пошел посмотреть на бабочку, а потом бабочка улетела, а я побежал за ней, а потом дерево, а потом еще дерево, а потом темно, и я упал в воду... Меня зовут Пип, я замерз, я очень замерз, и я хочу кушать, и я хочу к маме...

Ежик растерянно моргнул. Он привык ворчать на мокрую траву, на солнце, на грибы. Но он никогда не ворчал на маленьких потерявшихся цыплят. Внутри него, где-то под слоем колючек, шевельнулось нечто странное. Что-то теплое и беспокойное. Он уже открыл было рот, чтобы сказать что-то вроде: «Ну вот, еще один мокрый экземпляр. Мне только тебя не хватало для полного счастья...», но слова не прозвучали.

Он посмотрел на дрожащий комочек, на его тонкие лапки, которые едва держали тельце, и вдруг понял, что если он сейчас уйдет, этот Пип просто исчезнет. Замерзнет, как последняя осенняя муха.

— Эй, не пищи, — сказал Ежик неожиданно мягко, хотя сам удивился своему тону. — Перестань трястись, ты меня раздражаешь своей дрожью. Дай-ка сюда свои мокрые перья.

Он неловко, стараясь не уколоть малыша своими самыми острыми иголками на спине, пододвинулся ближе. Он боялся, что прикоснется к цыпленку и проткнет его. Но живот у Ежика был мягким и теплым, как печка. Он прижал крошечного Пипа к своему пушистому животику, и цыпленок, почувствовав живительное тепло, с благодарностью прильнул к нему, спрятав свой мокрый нос в колючках на груди Ежика.

— Д-д-держи меня, — стучал зубами Цыпленок. — Ты теплый, как грелка.

Ежик фыркнул, но не сердито, а скорее смущенно. Вокруг было еще много мокрого мха и холодных капель росы, но Ежик уже не обращал на них внимания. Он сорвал огромный лист подорожника — не для того, чтобы поругать его размер, а для того, чтобы укрыть им дрожащего найденыша. Он укутал Пипа, как в одеялко, и приподнял его на своих лапках.

— Сиди тихо, не дергайся, — скомандовал Ежик. — Сейчас я донесу тебя до моего дуба. Там сухо. Там тепло. Там... там есть запасы сухих ягод, я как раз хотел поругать их за то, что они слишком сладкие, но тебе они пригодятся.

Он зашагал обратно по тропинке. Колючки на его спине встали дыбом не от злости, а от напряжения — он нес драгоценную ношу и боялся ее уронить.

Глава 3. Дорога домой и первое чудо

Идти было тяжело. Во-первых, Ежик никогда не носил ничего тяжелее гриба, который он нес в зубах. А тут целый цыпленок! Он то и дело останавливался, перехватывал удобнее лист, поправлял Пипа, который пытался высунуть нос наружу.

— Не высовывайся! — ворчал Шурш, но теперь это ворчание походило скорее на заботливую песенку. — Простудишься, будешь чихать, разбудишь всех сов в округе. И вообще, кто это придумал гоняться за бабочками в таком сыром лесу? Бабочки спят по утрам. Они висят на ветках, как сухие листья. Надо было за мной ходить. Я знаю все тропы.

— А ты... ты не уколешь меня? — робко спросил Пип, чувствуя, как по его спинке царапают твердые иголки, когда Ежик переступал через корни.

— Конечно, уколо, — буркнул Шурш, — если будешь задавать глупые вопросы. Я колючий. Это моя природа. Но если ты не будешь крутиться, я прижму тебя животом. У меня живот мягкий. Я даже разрешу тебе подышать на него, чтобы он был еще теплее.

И они продолжали путь. Солнце, которое еще совсем недавно так слепило Ежика, начало играть совсем по-другому. Лучи пробивались сквозь кроны деревьев, разбиваясь на тысячи золотых монеток. Эти монетки падали на лист подорожника, которым был укрыт Цыпленок, и освещали путь.

Ежик внезапно почувствовал странную легкость. Ноги перестали увязать во мху. Ветки, которые еще утром казались ему злыми и цепкими, теперь услужливо раздвигались, пропуская его. Даже знакомая ворона, которая вечно каркала на него с высокой ели, сейчас посмотрела на него с каким-то удивлением и не стала каркать, а только наклонила голову.

Шурш заметил, что от цыпленка исходит тепло. Сначала ему показалось, что это Пип просто согрелся о его живот. Но чем дальше они шли, тем сильнее становилось это тепло. Оно струилось из-под листа и окутывало самого Ежика, проникая сквозь колючки, сквозь иголки, прямо в его маленькое, черное сердечко.

И тут произошло невероятное. Ежик поднял голову, чтобы посмотреть, не набегает ли туча (ведь они всегда набегали именно тогда, когда ему нужно было дойти до дома), но вместо туч он увидел чистое-чистое небо. И солнце. Оно светило не просто «ярко». Оно светило так, как будто специально для них двоих: для колючего Ежика и мокрого Цыпленка. Луч солнца упал прямо на лист подорожника, и тот засветился изнутри, словно фонарик.

— Пи-и-и! — вдруг запел Пип, высунув голову из-под листа. — Пи-пи-пи! Спасибо тебе! Мне так хорошо! Мне тепло! Я больше не дрожу! Пи-пи-пи!

Его голосок звенел, как маленький колокольчик. Он заполнил собой всю лесную тишину, и вдруг Ежик услышал то, чего не слышал никогда раньше. Он услышал, как поет утренний лес. Березы звенели серебряными серьгами, дуб гудел басом, а тонкие осинки перешептывались между собой на ветру, создавая мелодию, которая была намного сложнее и красивее, чем просто «шум листвы».

Ежик замер. Он опустил Цыпленка на пенек и огляделся. Свет вокруг него поменялся. Краски стали ярче. Трава была мокрой, но она переливалась изумрудом и бриллиантами росы. Она была прекрасна! Грибы... их было мало, но те, что росли, были словно выточены из янтаря искусным мастером. А солнце...

Он поднял черный носик к небу. Солнце было большим, теплым и совсем не слепящим. Почему? Он тер глаза, пытаясь понять, в чем дело. Ведь еще час назад он ненавидел этот свет, а теперь ему казалось, что этот свет обнимает его всего.

— Почему же я раньше его не замечал? — вслух спросил Ежик, и в голосе его впервые вместо раздражения прозвучало искреннее изумление. — Почему я не видел, какая красивая эта мокрая трава? Почему я не слышал, как поет ветер?

Цыпленок Пип, который уже совсем согрелся и даже начал подпрыгивать на пенёчке (ведь цыплята не умеют долго сидеть на месте), весело склонил голову набок и ответил так просто, как только может ответить маленькое существо, которое ничего не знает о сложной философии леса:

— Потому что теперь у тебя внутри тоже тепло! — зачирикал он. — Ты поделился со мной своим животом, а я поделился с тобой песенкой. Пока ты нес меня, твоё сердце стучало не как обычно, а как часы, которые заводят радость. И когда мы соединили теплоту, мы стали видеть то же самое солнце, но оно отразилось в нас двоих. Поэтому оно теперь не спит, а греет. Видишь, — Пип показал крылышком на луч, который пробивался сквозь листву, — он теперь мягкий. Он как пух.

Ежик задумался. Он перевёл взгляд на свои лапки. Они были влажными от травы, но ему не было холодно. Он посмотрел на свой колючий бок и вдруг понял, что колючки перестали топорщиться от злости. Они лежали ровно, мирно, и даже слегка поблескивали на солнце.

Глава 4. Сладкие ягоды и новая жизнь

Ежик и Цыпленок, наконец, добрались до жилища Шурша. Дуб встретил их гостеприимно. Огромные корни создавали естественный навес, внутри которого было сухо, устлано мягким мхом и пахло сосной и сухой листвой.

— Заходи, Пип, — сказал Ежик, и голос его уже не звучал приказным тоном, а скорее приглашающим. — Прости, у меня тут немного тесновато. И темно. Вечно этот дуб так растёт, что закрывает полнеба, — он хотел добавить привычное ворчание, но осекся и улыбнулся. — Но зато здесь тепло, когда я натоплю печку из сухих листьев.

Пип с любопытством засеменил по гнезду. Он клевал носом мох, интересовался каждым камешком. Он был вездесущим, как настоящий малыш.

— Ой, а что это? — спросил он, указывая на угол, где на сухой травинке висела связка калины.

— Это? — Ежик нахмурился по привычке. — Это я собрал осенью. Кислая. Противная. Терпкая. Я хотел её выбросить, но все руки не доходили. Хотел поругать лес за то, что он не родил сладкой малины, а только эту горечь.

— Кислая? — с любопытством переспросил Пип и прыгнул к калине. Он клюнул одну ягодку, сморщился, но потом снова клюнул. — Холодно! Но сладко. Если долго держать во рту, то становится сладко! Это же как солнце! Сначала оно спит, а потом греет!

Ежик изумленно смотрел на цыпленка. Каждое слово этого маленького желтого создания преворачивало в его голове целые пласты привычного ворчания.

— Солнце... и калина... — прошептал он. — Ты прав, малыш. Всем нужно время, чтобы согреться. Я, наверное, просто не давал себе времени согреться.

Он сорвал несколько ягод калины и протянул их Пипу. Затем, вместо того чтобы съесть их самому и поморщиться, он принёс целую горсть сладкой земляники, которую нашёл сегодня по дороге (и которую изначально планировал поругать за то, что она слишком мелкая). Земляника была мелкой, но удивительно ароматной. Ежик положил её перед Цыпленком.

— Ешь, — сказал он. — Это лучше, чем калина. Это... это подарок леса. Я раньше не понимал этого, но лес дарит нам лучшее. Трава мокрая — значит, она поит корни. Солнце яркое — значит, оно помогает расти траве. Грибов мало — значит, они прячутся, чтобы мы радовались каждой находке.

В этот момент в дупло дуба заглянул солнечный зайчик. Он запрыгал по стенам, по иголкам Ежика, по желтому оперению Пипа. Ежик ахнул. Зайчик был не просто светом, он был живым! Он танцевал, подмигивал и будто звал их обоих наружу, на улицу.

— Хочешь, я покажу тебе мою полянку? — вдруг предложил Ежик. — Ту самую, где я всегда ворчал на грибы. Оказывается, там растут самые красивые цветы. Я просто их не замечал, потому что смотрел вниз, на ноги.

— Хочу! — запищал Пип. — Только понеси меня на животике, я боюсь опять упасть в лужу!

— Сейчас! — рассмеялся Ежик, и смех его был подобен перекачиванию маленьких камешков в ручье. Он подхватил цыпленка, уложил его на свой теплый живот и побежал (насколько могли бежать его короткие ножки) по тропинке в ту самую поляну.

Глава 5. Волшебство без волшебства

На поляне и правда было чудно. Цветы — красные, синие, фиолетовые — поднимали головки к небу. Пчелы уже начали свою работу, и их жужжание не казалось Ежику надоедливым, оно казалось ему тихой колыбельной. Бабочки, те самые, за которыми гонялся Пип, порхали над ромашками. Одна из них, с бархатными крыльями, села прямо на нос Цыпленку.

— Ой! — замер Пип, боясь пошевелиться. — Смотри, Шурш! Она думает, что я цветок!

— Ты и есть цветок, — сказал Ежик. — Самый маленький и самый яркий цветок в этом лесу. Желтый, как солнце.

Пип счастливо зажмурился. Ему очень понравилось такое сравнение. А Ежик стоял рядом и чувствовал, как в его груди распускается что-то новое. Он всегда думал, что колючки нужны ему, чтобы защищаться от врагов. Но сейчас он понял, что колючки — это просто одежда. А настоящая защита — это тепло, которое он почувствовал внутри. Если внутри тепло, то никакой холодный мир не страшен.

Он оглянулся на свой лес. Раньше он видел только препятствия: корни, чтобы споткнуться, камни, чтобы поранить лапы, ветки, чтобы поцарапать нос. Теперь же он видел лес как большой дом. Дом, в котором живут его друзья. Его соседи.

— Знаешь, Пип, — начал Ежик задумчиво, — а ведь я всю свою жизнь искал идеальный мир. Чтобы не было мокро, чтобы солнце не светило в глаза, чтобы грибы росли толпами. Но идеального мира нет. Есть мир, который мы выбираем. Можно смотреть на мокрую траву и ругаться, что она мокрая. А можно смотреть и видеть, как в каждой капле росы отражается небо. Это ведь почти волшебство.

Пип, который как раз поймал клювом комара, проглотил его и сказал с набитым ртом:

— Ты стал мудрым, Шурш. Раньше ты был просто колючим. А теперь ты колючий снаружи и мягкий внутри. Как каштан!

Ежик фыркнул от такого сравнения, но уже беззлобно.

Их дружба длилась несколько дней. Пип так и не нашел свою маму, но он, кажется, перестал ее искать. Он нашел друга. А Ежик нашел смысл. Он вставал каждое утро не для того, чтобы поругать солнце, а для того, чтобы разбудить Пипа, накормить его ягодами, показать ему новые тропы.

Но сказка есть сказка. Однажды утром Ежик вышел из дуба, чтобы, как обычно, проверить свои грибные места (теперь он проверял их с радостью, а не с раздражением), и увидел, что на тропинке стоит большая рыжая курица. Она нервно перебирала лапами и хлопала крыльями.

— Вы не видели моего малыша? — спросила она тревожно. — Желтого, пушистого, с тонким голоском?

Ежик понял, что это мама Пипа. Его сердце кольнуло холодом. Ему не хотелось отдавать Пипа. За эти дни цыпленок стал для него как отражение солнечного луча, как его собственное внутреннее солнце. Но он посмотрел на Пипа, который выбежал из дуба и, завидев курицу, взволнованно замахал крылышками.

— Мама! — закричал Пип. — Мама!

Курица бросилась к нему, и они обнялись крыльями так крепко, что Ежику стало и радостно, и немного грустно. Он смотрел на эту картину и улыбался. Он понял, что настоящее счастье — это когда кого-то любят и ждут.

Курица подошла к Ежику и низко поклонилась.

— Спасибо тебе, колючий друг, — сказала она. — Мой малыш рассказывал про тебя. Он говорит, что ты согрел его и научил видеть солнце. Ты спас моего цыпленка.

Ежик смутился. Его иголки порозовели от смущения.

— Пустяки, — пробормотал он. — Просто... просто трава была мокрая, и он замерз... А я... я случайно оказался рядом.

Но Пип подбежал к нему и потерся своим пушистым боком о его колючую щеку.

— Не «случайно», Шурш. Ты пришел специально. Ты мой самый лучший колючий друг. Я приду к тебе завтра. Мы будем смотреть на бабочек. Но только я больше ни за кем не побегу, я буду сидеть на твоей спине и петь.

Они распрощались. Курица увела Пипа домой, в деревню, за лес.

Глава 6. Новое утро Старого Дуба

Ежик остался один. Ночь опустилась на Заветный лес. Луна светила сквозь листву дуба, и впервые Ежик слышал, как поют сверчки. Их песня не казалась ему шумом, она казалась ему музыкой, сонатой для маленького лесного оркестра.

Он забрался в свое гнездо. Раньше ему казалось, что ему там тесно и одиноко. Теперь он ощущал покой. Он взял перышко, которое осталось от Пипа, и положил его под бок, на самую мягкую часть мха.

— Завтра я встану рано, — сказал он себе. — И первым делом скажу... скажу что-то важное.

Он закрыл глаза, и сны его были светлыми. Он видел огромное поле подсолнухов, которые все кланялись солнцу, и он кланялся вместе с ними, ощущая себя частью этой великой красоты.

Наступило утро. Солнце встало точно так же, как и сотни дней до этого. Оно выглянуло из-за горизонта, разливая по лесу золотой мед. Трава, как всегда, была покрыта росой. Грибы прятались во мху.

Ежик проснулся. Он не поморщился. Он медленно, с достоинством, вышел из дуба. Поднял голову к небу. Солнце смотрело на него своим добрым, теплым глазом. И оно не слепило его. Потому что теперь внутри Ежика жила целая вселенная тепла, которую ему подарил маленький потерянный Цыпленок.

Он глубоко вздохнул, набрал в легкие свежего утреннего воздуха и громко, на весь лес, крикнул то, чего никогда не говорил раньше:

— СПАСИБО!

Это слово разнеслось по опушке, отразилось от сосен, покатилося по ручью, поднялось к облакам. Ворона на ели удивленно каркнула, но карканье ее звучало одобрительно. Белка выскочила из дупла с орешком и улыбнулась. Филин, который еще не спал, одобрительно ухнул из глубины дупла.

Ежик посмотрел на свои лапы. Они стояли на мокрой траве. Но он не сказал: «Какая противная сырость». Он сказал:

— Какое чистое зеркало! Посмотрите, в каждой капельке отражается небо.

Он прошелся по своей старой тропинке, по той самой, где встретил Пипа. Там, под лопухом, все еще лежал мокрый лист, который он сорвал, чтобы укрыть малыша. Ежик поднял этот лист, аккуратно сложил его и принес к своему дубу. Он положил его в самый дальний угол гнезда как талисман.

С этого дня лес изменился. Нет, он был тем же самым. Те же деревья, те же тропы. Но Ежик стал другим. К нему стали приходить звери. Раньше они боялись его ворчания, а теперь слышали, как он разговаривает с цветами.

Белка однажды спросила его:

— Шурш, а как тебе удастся не злиться на дождь? Ведь он мочит твои иголки!

— Так ведь дождь не просто мочит, — ответил Ежик. — Он умывает лес. Он делает воздух свежим. А после дождя всегда появляется радуга. Если бы я злился на дождь, я бы никогда не увидел радугу. А она — как мост в небо. Это красиво. Разве можно злиться на красоту?

Даже старый мудрый филин однажды прилетел на дуб Ежика и просидел с ним до самого рассвета, слушая его истории о маленьком Цыпленке. Филин качал головой:

— Удивительная история, Шурш. Спасибо тебе за нее. Ты изменил целый лес. Теперь здесь перестали ссориться, потому что все поняли: колючки — это не злость. Это просто броня. А под броней у каждого есть сердце. И если оно тёплое, даже самая толстая броня становится прозрачной.

Эпилог. Вечная весна

Прошло много времени. Пип вырос. Он уже не был тем беспомощным мокрым комочком. Он стал молодым петушком — голосистым, гордым, но всегда, каждое утро, он взлетал на забор и смотрел в сторону Заветного леса. Он пел свою знаменитую «Ку-ка-ре-ку!», но внутри этой песни, если прислушаться, можно было разобрать слова: «Спасибо, спасибо, спасибо!».

А в лесу жил старый, но бодрый Ежик Шурш. Его иголки местами поседели, но глаза стали еще ярче. Он уже не ворчал. Он встречал каждый новый день как праздник. Он ходил по мокрой траве и собирал мокрые грибы, радуясь каждой капле.

Он стал главным хранителем лесной мудрости. К нему приводили маленьких ежей, которые начинали ворчать (это у них в крови), и он учил их.

— Посмотрите на солнце, — говорил он. — Что вы видите?

— Оно спит, — пищали ежата.

— Нет, — улыбался Шурш. — Вы видите свет. Свет, который согревает весь мир. Если вам покажется, что трава слишком мокрая, вспомните того, кому еще мокрее. Помогите ему. Прижмите его к своему животу. И тогда вы увидите, что солнце перестанет спать. Потому что ваше внутреннее солнце станет ярче большого лесного солнца.

И ежата слушали, открыв рты. Они еще не понимали всей глубины слов старого Шурша, но они чувствовали его тепло. Они видели, как его глаза улыбаются. И они тоже начинали улыбаться.

Однажды на лес опустилась поздняя осень. Шли холодные дожди, листья облетели, и солнце почти не показывалось из-за тяжелых туч. Вся поляна, где жил Ежик, превратилась в болото.

Но Ежик сидел у входа в дупло и не ворчал. Он смотрел на дождь и думал о том, как этот дождь напоит корни, чтобы весной расцвели новые цветы.

— Эй, Шурш! — раздался вдруг знакомый голос. — Ты тут?

Из-за поворота тропы выбежал... Петух Пип. Он был мокрый с головы до ног, но держал под крылом сухой лист, а в клюве — яркую красную рябину.

— Я пришел к тебе, — сказал Пип. — Помнишь, как ты меня когда-то согрел? Теперь я согрею тебя. Садись ко мне под крыло, я большой, и я принес тебе ягод, чтобы ты не грустил в такую погоду.

Ежик рассмеялся. Его старые колючки задрезжали от смеха.

— Я не грущу, Пип. Я просто жду весну. Но раз ты здесь, весна пришла раньше.

Он прижался к своему старому другу. Петух прикрыл его крылом, и вместе они сидели под дождем, смотрели на серое небо, но видели в нем тысячи оттенков серебра. Они видели красоту.

И в этот миг даже самая последняя тучка расступилась. Робкий, зимний луч солнца проник сквозь облака и упал на двух друзей — старого колючего Ежика и большого рыжего Петуха. Луч согрел их, и они поняли, что главная сказка — это не конец приключений, а начало дружбы. Дружбы, которая длится вечно, несмотря на дожди, солнце, колючки и перья. Дружбы, которая учит нас говорить «спасибо» не только за радость, но и за каждый прожитый день.

И если вы когда-нибудь пойдете в Заветный лес, прислушайтесь. Если ветер стихнет, вы услышите тихое, доброе ворчание:

— Всё так... Всё так и должно быть... Спасибо.

Это старый Ежик разговаривает с лесом, учит его быть благодарным, а лес отвечает ему шелестом листьев и пением птиц.

Вот и вся сказка. Короткая, как жизнь, и длинная, как благодарность.

Сказка про Зайку-Жадину и речку

Глава 1. Самый богатый заяц в лесу

В самой дальней части Зелёной лощины, где орешник переплетался с дикой малиной, а земляника коврами стелилась по пригоркам, жил Зайка. У него не было имени, потому что он никого к себе не подпускал достаточно близко, чтобы друзья могли его называть. Все звери в лесу звали его просто «Тот самый», а иногда — «Зайка-Сундук». И неспроста.

У этого Зайки было всё. Ну, или почти всё, что могло пожелать сердце лесного грызуна. Под старым корневищем огромной липы он вырыл себе норку не просто глубокую и тёплую, а настоящую кладовую. Мама-Зайчиха учила его с детства: «Запас карман не тянет, сынок. Припаси на зиму, на голодный месяц, на чёрный день». Но Зайка превзошёл мамины наставления. Он собирал не просто на чёрный день — он собирал на чёрные годы, на десять злых зим и на сто засушливых вёсен.

Под землёй, в лабиринте ходов, у него были устроены отдельные отсеки. В одном — морковь: ровная, оранжевая, с тугими боками и зелёными хвостиками. Он сортировал её по длине и толщине. В другом — капуста: хрустящие кочаны, которые он закатывал отдельно, чтобы не давили друг на друга. В третьем — яблоки: наливные, румяные, краснобокие, пахнущие мёдом. В четвёртом — сушёные грибы, орехи, ягоды, рябина и даже несколько банок с мочёной брусникой, которую он научился делать сам.

Это была норка-сказка, норка-сокровищница. Если бы какой-нибудь барсук или лис заглянул туда, он бы ослеп от блеска запасов. Но никто туда не заглядывал. Зайка никого не приглашал.

Каждое утро он выходил из норки, оглядывался по сторонам — не следит ли кто — и бежал проверять свои кладовые: не испортилась ли морковь, не сгнило ли яблочко, не мыши ли точат капустную кочерыжку. Он пересчитывал каждую морковь, каждый орех. Если какой-то орех казался ему чуть мельче соседнего, он сердито ворчал и перекладывал его на отдельную «неудачную» полку.

А вокруг него, в Зелёной лощине, жили звери. Белки, ежи, мыши-полёвки, кроты, лягушата, птицы. И все они были не такими богатыми. Потому что они делились. Белка приносила соседке-синичке семечко. Ёжик угощал крота червячком. Мыши вместе запасали колоски и складывали их в общую норку. А Зайка сидел на своём бугорке, грыз свою единоличную морковку и фыркал:

— Дураки. Раздадут все запасы, а зимой кто им поможет? Никто. Каждый за себя. Я ни с кем не делюсь — и со мной никто не поделится, значит, я никому не должен.

Он гордился своей расчётливостью. Ему казалось, что он самый умный, самый предусмотрительный и самый взрослый в этом детском лесу, где все такие доверчивые.

Но у этой мудрости была обратная сторона. Зайка не замечал, как одиноко стучит его сердце по вечерам. Он выходил из норки и видел, как белка играет в догонялки с зайчатами, как ёжик катает яблоко для своей семьи, как мышки поют хором у костра из сухих листьев. А он сидел один и пересчитывал свои сокровища. Сокровища молчали. Морковь не умела смеяться. Капуста не умела обнимать. Яблоки не пели песен.

Он часто говорил себе:

— Зато я сыт. Зато у меня есть всё. А они — шумят, играют, а потом придут ко мне просить еду. Я им покажу тогда! Вот удивитесь!

Но никто к нему не приходил просить. Звери давно поняли: к Зайке-Сундуку лучше не соваться. В лучшем случае получишь холодный взгляд, в худшем — услышишь лекцию о том, как надо запасаться летом. Поэтому они обходили его норку стороной, как старый заколдованный колодец.

И Зайка оставался в гордом одиночестве, грызя свою идеальную, но безвкусную морковь.

Глава 2. Лето, которое сожгло лес

Но природа не спрашивает, готов ли ты к её капризам. То лето выдалось не просто тёплым, а испепеляющим. Солнце вставало рано и садилось поздно, но даже ночью воздух не остывал. Трава пожухла и пожелтела, как старая бумага. Листья на берёзах свернулись в трубочки, чтобы сохранить влагу. Земля потрескалась, покрылась паутиной сухих трещин.

Ручейки, которые всегда звенели в Лощине, сначала зажурчали тише. Потом в их руслах появились лужицы, затянутые пылью. А потом и лужицы исчезли. Дно ручьёв превратилось в сухую, растрескавшуюся глину. Лягушки, которые раньше давали концерты по вечерам, ушли глубже в болото, но и там вода убывала.

Звери начали тревожиться. Белка бегала с утра до вечера, но орехи в лесу не родились — завязи опали от жары. Ёжик пытался искать слизней и червей, но земля стала твёрдой, как камень, и даже самый сильный нос не мог её проковырять. Мыши переселились поближе к реке, но и до реки было далеко.

А Зайка сидел в своей прохладной норе и чувствовал себя королём. Грунт под липой сохранял влажность, температура была комфортной. Он открывал свои кладовые и любовался рядами морковок. Они были сочными. Они были упругими. Они пахли осенью. Он брал одну, самую красивую, и с хрустом откусывал кусочек.

— Отличная морковь, — говорил он себе. — Выращена моими руками. Собрана моими лапками. Спрятана моей головой. Никто её не тронет. Я — хозяин своей судьбы.

Но вот однажды — а это случилось в самый разгар засухи — Зайка проснулся от странного ощущения. Во рту пересохло. Язык стал шершавым, как наждачная бумага. Горло саднило. Он зевнул и почувствовал, что во рту нет ни капли слюны.

— Ничего, — пробормотал он. — Я съем яблочко, в нём есть сок.

Он достал яблоко. Откусил. Яблоко было сладким, но влаги в нём было мало, словно солнце высушило и его. Он съел ещё одно. Стало легче, но ненадолго. Через час жажда вернулась с новой силой.

Он выскочил из норки и огляделся. Лес выглядел пугающе. Трава хрустела под лапами, как сухарики. Цветы, которые он так любил нюхать по утрам, стояли поникшие и бурые. Воздух дрожал от зноя.

— Где вода? — спросил он у ветра. Ветер не ответил, он был горячим и сухим, он только обжёг уши Зайки.

Зайка побежал к ближайшему ручью. Раньше там всегда звенела прохлада. Он прибежал и замер: перед ним было пересохшее, потрескавшееся русло, на дне которого валялся старый жёлудь и засохший рак.

— Не может быть! — вскрикнул Зайка. — Где вода? Кто её выпил?!

Он поскакал к другому ручью. Та же картина. К третьему — там лежала сухая лягушка, которая не смогла уйти.

Паника подкатила к его сердцу. Он побежал к болоту, но там была только маслянистая жижа, от которой пахло тиной и которую пить было невозможно — она была тёплой и противной.

Зайка вернулся в норку. Он достал бруснику. Она была мочёной, но даже кислый рассол не утолил жажду, а только усилил её. Он съел целую горсть ягод, но тело кричало: «Воды! Воды! Просто воды!»

Он сидел в своей богатой норе, окружённый горами еды, и понимал: он умирает от жажды. Среди гор золота, гор моркови, гор яблок, посреди изобилия — он погибает без капли воды.

Глава 3. Дорога к большой реке

В отчаянии Зайка вспомнил о старой карте, которую когда-то нашёл в дупле. Там была отмечена большая река, Река-Серебрянка, которая текла далеко-далеко за Дремучей Чашей. Он никогда туда не ходил — боялся, что там водятся лисы. Но сейчас страх смерти был сильнее страха хищников.

— Пойду, — сказал он хрипло. — Пойду и напьюсь. Река широкая, глубокая, она не могла пересохнуть.

Он вышел из норки, захлопнул за собой дверцу из корней, и отправился в путь. Солнце палило невыносимо. Земля обжигала его мягкие подушечки лап. Каждый прыжок давался с трудом. Он скакал по выжженной тропе, оставляя за собой следы от горячих лапок.

По пути он видел других зверей. Ежиха с ежатами сидела под кустом, тяжело дыша, раскрыв рты. Мыши лежали пластом на остывшей тени от пня. Белка пыталась найти хоть каплю росы на листьях, но листья были сухими и ломкими.

— Воды... — шептали они. — Хоть каплю...

Зайка проскакал мимо. Ему было жалко их, но где-то в глубине души звучал тот же голос: «У тебя есть морковка. Ты сыт. Это их проблемы». Он старался не смотреть в их сторону. Он прибавлял прыжков.

Но чем дальше он скакал, тем тяжелее становился путь. Лес кончился, началась открытая местность, где палило ещё сильнее. Зайка чувствовал, что его длинные уши нагреваются, как лопухи на солнце. Язык распух и едва помещался во рту. Глаза слезились от яркого света.

Наконец, когда он уже думал, что упадёт и больше не встанет, он услышал шум. Слабый, далёкий, но — шум воды! Это была Река-Серебрянка.

Собрав последние силы, он допрыгал до неё. И замер на высоком берегу.

Река была... огромной. Огромной, как море. Широкой, как небо. Другой берег виднелся едва заметной полоской вдали. Вода блестела на солнце, переливалась серебром и золотом, перекатывалась волнами. Она манила, звала, обещала прохладу и жизнь.

Но вода была так далеко! Чтобы добраться до неё, нужно было спуститься с высокого глинистого обрыва. Откос был крутым, скользким, и внизу плескалась глубина.

Зайка подошёл к самому краю. Он вытянул лапку, пытаясь достать до воды, но не достал. Он попробовал прыгнуть вниз, но испугался: если он упадёт, его затянет течением. Он не умел плавать! Он боялся намочнуть! Он всегда ненавидел воду, дождь, росу. А тут — целая река, такая глубокая, что не видно дна.

— Ну почему, почему я такой маленький! — закричал он в отчаянии. — Почему у меня такие короткие лапки! Я не могу спуститься! Я боюсь! Я утону!

Он метался по берегу туда-сюда. Он пытался найти пологий спуск, но пологого спуска не было. Везде — обрывы, глина, корни.

Он присел на корточки, обхватил голову лапами и заплакал. Слезы были солёными, горячими, они не утоляли жажду. Он плакал, вспоминая свою красивую морковку, свою капусту, свои яблоки. Какая от них польза, если он не может дойти до воды?

— Я умру, — прошептал он. — Умру посреди леса, полного еды, от обычной воды. Как глупо. Как несправедливо.

Глава 4. Медвежонок с ведёрком

И в тот самый момент, когда Зайка уже почти смирился с участью, он услышал тяжёлые, но мягкие шаги. Обернувшись, он увидел Медвежонка. Это был молодой бурый медвежонок, лохматый, с большими добрыми глазами и круглыми ушами. В лапе он нёс деревянное ведёрко — простое, из березовой коры, перевязанное лыком.

Медвежонок шёл не спеша, насвистывая какую-то простую мелодию. Увидев плачущего Зайку, он остановился и наклонил голову.

— Привет, — сказал он басистым, но добрым голосом. — Ты чего сидишь тут и плачешь? Красиво же. Река. Вода. Искупаться бы, да я ведро забыл дома. Пришлось второе мастерить.

Зайка поднял на него покрасневшие глаза. Обычно он боялся медведей. Но этот был такой же маленький (по медвежьим меркам) и выглядел дружелюбно.

— Я... я хочу пить, — прошептал Зайка. — Я очень хочу пить. Но я боюсь лезть в воду. Я не умею плавать. Я упаду. Я погибну.

Медвежонок посмотрел на реку, потом на ведёрко, потом на Зайку. Он улыбнулся, и его улыбка была шире реки.

— Так в этом же нет проблемы! — воскликнул он. — Я принесу тебе воды в ведёрке. Я с медведями дружу с детства, я в воде как рыба. Сейчас я спущусь, зачерпну ведёрочко и принесу тебе. Попьёшь — и всё будет хорошо.

Зайка вскочил. Глаза его загорелись надеждой, но тут же в них промелькнула обычная тень подозрения. Он прищурился и спросил с настороженностью:

— А ты... ты не возьмёшь мою морковку?

Медвежонок удивлённо моргнул:

— Морковку? А при чём тут морковка?

— Ну, я... у меня есть морковка. Много. Прятана. Я её никому не отдаю. Но если ты хочешь за воду взять плату... я... ну... я могу дать тебе одну. Самую маленькую. С червячком, — Зайка замялся и добавил чуть слышно: — Но только одну. Она большая ценность.

Медвежонок рассмеялся. Его смех был похож на гром, но мягкий, весенний гром, который несёт дождь.

— Ой, Зайка, да не нужна мне твоя морковка, — сказал он, качая головой. — У меня мама медведица малиной запасает, я мёд люблю, рыбу. Морковку я не ем, она скрипит на зубах, мне не нравится. Так что угощайся своей морковкой, я просто так. Я просто вижу — тебе плохо. Ты хочешь пить. Я могу тебе помочь. И всё. Без денег. Без обмена. Просто — по-дружески.

Зайка опешил. В его голове не укладывалась эта простая мысль: можно сделать что-то для другого и не требовать ничего взамен. Он несколько раз открыл рот и закрыл, не в силах произнести ни слова.

— Стоишь? — улыбнулся Медвежонок. — Сейчас я сгоняю.

Он ловко, но аккуратно спустился по глинистому обрыву. Его лапы держались за корни, за выступы. Он не боялся испачкаться, не боялся намочить шерсть. Дойдя до воды, он зачерпнул ведёрко. Вода была холодная, прозрачная, сверкающая. Медвежонок поднялся обратно, держа ведёрко перед собой, чтобы не расплескать.

— Держи, — сказал он, ставя ведёрко перед Зайкой. — Пей. Только не торопись, а то живот разболится. Пей маленькими глоточками.

Глава 5. Первый глоток новой жизни

Зайка наклонился к ведёрку. Он вдыхал запах воды — чистый, свежий запах, который пах речной свежестью и прохладой. Он осторожно, словно боясь, что это мираж, коснулся губами поверхности. Вода была ледяной, хрустальной, живой. Он сделал глоток. Потом второй. Потом начал жадно пить, захлёбываясь.

— Тише-тише, — сказал Медвежонок, глядя его по спине огромной, но нежной лапой. — Всё будет хорошо. Пей, пей.

Зайка пил и плакал. Но теперь слёзы были другими. Это были слёзы облегчения. Он чувствовал, как живительная влага растекается по его телу, как наполняет каждую клеточку, как возвращает жизнь его высохшим мышцам, его уставшему сердцу, его опухшему языку. Он пил, и вместе с водой в него входила какая-то новая сила. Или, может быть, она входила не из воды, а из взгляда Медвежонка, который смотрел на него с таким бесконечным терпением и добротой.

Наконец Зайка оторвался от ведра. Он тяжело вздохнул и вытер мокрую мордочку лапкой. Он чувствовал, как его уши снова обрели упругость, а лапки перестали дрожать.

Он поднял глаза на Медвежонок. И тут его ударила, как молния, страшная мысль: а ведь я сейчас сижу и пью воду, которую принёс мне этот медведь. Он мог бы взять у меня что угодно. Морковку, капусту, яблоки. Он мог бы потребовать плату. Мог бы ударить меня и отнять всё. Но он не сделал ничего. Он просто спустился, просто зачерпнул, просто принёс. Просто так.

Зайка вспомнил все свои кладовые. Как он считал каждую морковку. Как он отгонял белок от своей норки, если они подходили слишком близко. Как он кричал на мышей, когда они случайно забегали на его территорию. Как он ненавидел дождь, потому что он портит запасы. Как он смеялся над теми, кто делился.

И ему стало так стыдно, как никогда в жизни. Стыд обжёг его не хуже солнца. Но это был странный жар — не тот, что мучит, а тот, что очищает. Он почувствовал, как внутри него что-то ломается. Ломается стена, которую он строил годами. И он увидел, что за этой стеной — пустота. Холодная, тёмная, морковная пустота.

— Медвежонок, — сказал Зайка осипшим, но уже не от жажды, а от волнения голосом. — Ты... ты посиди здесь, хорошо? Подожди меня. Я сейчас. Я быстро. Пожалуйста, никуда не уходи.

— Да я и не уйду, — удивился Медвежонок. — Я рыбу тут ловить собирался. А что такое?

Но Зайка уже летел стрелой обратно, к своей норке. Он скакал небыстро, но с такой энергией, что ветер свистел в его ушах. Теперь он бежал не от жажды, а от желания исправить всё. Бежал к своей кладовой, но с новыми мыслями.

Он ворвался в норку, распахнул все двери. Свет пробился в самые дальние уголки, и он увидел свои запасы уже другими глазами. Он увидел горы морковки, ряды капусты, кучи яблок. И понял, что это не сокровища. Это просто — еда. Еда, которую он копил для себя, но которая за это время даже не принесла ему радости. Он сидел на ней, как дракон на золоте, но дракон не ест золото. И заяц не ест счастье.

Он начал лихорадочно собирать самую лучшую морковку. Ту, что была ровнее, слаще, оранжевее. Он набрал целую охапку, сколько могли унести лапы. К ней добавил яблок — красных, с капельками сока на боку. Сверху положил пучок сухой мяты и немного орехов.

Нагруженный, запыхавшийся, он бежал обратно к реке. Он так торопился, что спотыкался и ронял яблоки, но поднимал их и нёс дальше.

Когда он вернулся, Медвежонок сидел на берегу и мирно болтал лапами в воде. Он увидел Зайку и ахнул:

— Ты что, Зайка, ограбил свой дом? Зачем столько еды? Ты же говорил, что у тебя одна морковка самая маленькая!

— Это не моя еда, — выпалил Зайка, переводя дух. — Это... это подарок! Нет, не подарок! Это... это возвращение долга! Я должен был! Я столько лет... я ни с кем... а ты взял и принёс мне воду. Просто так. Без выгоды. И я...

Он не мог говорить. Слезы снова потекли по его щекам, но теперь это были слёзы очищения.

— Я понял, — сказал он наконец. — Я понял, что был дураком. Самым жадным дураком в лесу. Я копил, копил, копил, а вокруг — друзья. А у меня не было друзей. Только морковка. Но морковка не обнимает. Морковка не приносит воды. Она просто лежит и ждёт, когда я её съем. А ты пришёл, когда мне было плохо, и помог. Поэтому... поэтому забирай всё. Всю мою гору! Угощайся! И другим зверятам отнеси! Это моя благодарность!

Медвежонок удивлённо посмотрел на целую кучу овощей, потом на Зайку, и его глаза наполнились теплом.

— Ну, Зайка... — протянул он. — Ты, конечно, молодец. Но мне столько не съесть. А зверятам... зверятам сейчас и правда тяжело. Жара, воды нет. Они с утра ничего не ели. Давай поступим так.

Он встал, отряхнул лапы и предложил:

— Мы сейчас с тобой пойдём в лес. Возьмём моё ведёрко, и ещё я найду корыто, и мы нальём воды. А твою морковку раздадим. Давай устроим пир! Самый большой пир в этой Лощине! С речной водой и свежей морковкой!

Зайка сначала испугался. Отдать ВСЁ. Это же его жизнь, его годы, его труды. Но он посмотрел на добрую морду Медвежонок, и страх исчез. Вместо него пришло странное чувство лёгкости. Как будто он сбросил тяжёлый мешок с камнями, который таскал на спине всю жизнь.

— Давай, — сказал он твёрдо. — Давай устроим пир.

Глава 6. Самый шумный вечер в Зелёной лощине

В тот вечер в Зелёной лощине было необычно шумно. Медвежонок, как и обещал, смастерил из коры большое корыто, и они с Зайкой в несколько ходок натаскали воды из реки. Потом Зайка открыл свою норку нараспашку.

Сначала пришли мыши. Они боязливо заглянули в нору, ожидая, что их прогонят. Но Зайка лично вышел к ним и вручил каждому по две толстые морковки и по горсти орехов.

— Ешьте, — сказал он, улыбаясь. — Это вам. За то, что вы всегда были рядом. Я просто не замечал вас раньше.

Потом пришла белка. Зайка отдал ей целую связку яблок — самых красных, мочёных в брусничном соку.

— Белочка, — сказал он, — прости меня за все мои крики. Это тебе за то, что ты всегда так красиво прыгаешь и украшаешь наш лес.

Пришла Ежиха с ежатами. Зайка отдал им капусту. Пришёл барсук, который принёс свой старый горшок с мёдом (он тоже решил внести лепту). Пришли птицы, прискакали лягушки. Весь лес собрался на поляне у старой липы.

Когда стемнело, и взошла луна, они зажгли костёр из сухих веток (не боясь жары — к ночи стало прохладнее). Медвежонок сидел в центре и рассказывал смешные истории о рыбалке. Белка танцевала вокруг костра. Мыши устроили хоровод. А Зайка сидел рядом с Медвежоном и смотрел на это всё. В его лапках была всего одна морковка, которую он грыз не спеша. Но она казалась ему в сотню раз вкуснее всех тех, которые он прятал.

Он чувствовал непривычную лёгкость. Пустота в кладовых не пугала его. Ему казалось, что она заполнилась чем-то другим — голосами, смехом, теплом чьих-то тел, прижавшихся к нему.

— Медвежонок, — тихо сказал Зайка, когда все затихли, слушая сову, которая ухала на дереве. — А знаешь, я ведь никогда не был так счастлив. Я был сытым. Но счастья не было. А теперь у меня пустая нора, но сердце... сердце переполнено.

Медвежонок положил свою лапицу ему на плечо:

— Потому что радость, Зайка, не бывает одна. Если ты держишь её в одной руке, она маленькая. А если начинаешь раздавать — она умножается. Ты отдал морковку, а получил друзей. Видишь вон ту белку? Она пообещала принести тебе свои лучшие орехи зимой. А ежиха сказала, что весной принесёт тебе свежих яблок с их сада. Ты не обеднел, Зайка. Ты разбогател. Только теперь твоё богатство — не в земле, а в сердцах.

Зайка задумался. Он вспомнил, как раньше пересчитывал каждую морковку, боясь лишиться. Он боялся, что если отдаст, то станет бедным. А на деле — отдал всё и стал самым богатым.

Глава 7. Новые дни

С тех пор прошло много дней. Дожди вернулись, ручьи снова зажурчали, лес зазеленел. Но Зайка уже не прятал свои запасы. Он не перестал их делать — он их делал, но теперь у него была традиция: каждый пятый кочан капусты, каждая десятая морковка, каждое третье яблоко шло в «общий котёл» на поляне у липы.

Там, под старой липой, звери устроили общую столовую. Каждый приносил, что мог: кто грибы, кто ягоды, кто орехи. А Зайка приносил морковку. И, глядя на то, как другие едят его морковку, он чувствовал гордость, которая была теплее и ярче любой жадности.

Иногда к нему приходил Медвежонок. Они сидели на берегу реки, болтали лапами в воде и смотрели на закат. Зайка часто вспоминал тот день, когда он плакал от жажды и отчаяния.

— Спасибо, что ты есть, — говорил Зайка, обращаясь к заходящему солнцу или к Медвежонку. — Спасибо, что ты просто есть. Что ты не такой, как я. Что ты научил меня главному.

Медвежонок улыбался в ответ:

— Ты сам себя научил, Зайка. Просто тебе нужно было немного воды, чтобы оттаять твоё сердце. И немного смелости, чтобы открыть дверь. Всё остальное — твоя заслуга.

Однажды зимой, когда выпал глубокий снег и все запасы у многих кончились, Зайка сидел у себя в норе. У него было немного корма, но не так много, как раньше. Однако он не боялся. Вдруг в дверь его норки постучали.

Он открыл — и увидел всю лесную братию. Белка несла мешок орехов, Ежиха — сушёные грибы, Мыши — зёрна, а Медвежонок — банку мёда и свежую рыбу.

— Это тебе, Зайка, — сказали они хором. — Ты всегда делился с нами. Теперь наша очередь.

Зайка ахнул. Вся его норка наполнилась едой, и это была еда не только его, но и всех лесных жителей. Он понял, что круг замкнулся. Он дал им частичку себя, а они вернули ему в десять раз больше. Не потому что должны, а потому что хотели.

Он заплакал от счастья, и все обняли его. Медвежонок обнял его своей мощной лапой, и Зайка не испугался, потому что знал: эта лапа никогда не причинит ему вреда. Она приносила только добро.

Эпилог. Самое щедрое сердце в лесу

Теперь Зайку в лесу называют не «Зайка-Сундук» и не «Тот самый». Его называют «Зайка-Кладовая», но не потому, что он прячет, а потому, что он открыт для всех. И если какой-нибудь зверёк попадёт в беду, он знает: можно прийти к Зайке. Он даст совет, поделится последним, утешит.

А Зайка часто сидит на холме, смотрит на закат и думает о том, как странно устроена жизнь. Чем больше ты отдаёшь, тем больше остаётся. Чем меньше прячешь, тем легче дышать. Чем чаще говоришь «спасибо», тем чаще слышишь это в ответ.

И каждый день он проходит мимо норок своих друзей и говорит им:

— Угощайтесь! У меня есть немного морковки. А если нет — я принесу. Или мы вместе сходим к реке, попьем воды. Или просто посидим рядом. Главное — что мы вместе.

Иногда он вспоминает ту жаркую пору, когда ручьи пересохли, а он сидел на берегу реки и плакал. Он благодарен тому дню, потому что без той засухи он никогда бы не встретил Медвежонка. Без той жажды он никогда бы не узнал, что такое настоящая жажда — жажда общения, дружбы, любви. Он думает, что засуха была лучшим уроком в его жизни.

А когда кто-то из маленьких зайчат спрашивает его:

— Дядя Зайка, а почему ты такой добрый? Где ты научился?

Он улыбается, гладит их по ушам и отвечает:

— Однажды, детки, я был самым злым и жадным зайцем в мире. Но один медвежонок с ведёрком воды научил меня, что радость умножается, когда делишься. А злость уходит, когда прощаешь себя. И знаешь, что самое главное?

— Что? — пищат зайчата.

— Что начинать никогда не поздно. Даже если ты всю жизнь был эгоистом, ты можешь измениться за один день. Достаточно просто захотеть. Достаточно сделать первый шаг. Или первый глоток воды, поданный добрым другом. А потом — второй шаг. И третий. И однажды

ты заметишь, что мир вокруг стал ярче, солнце теплее, а трава зеленее. Потому что это ты изменился, и мир отражает тебя.

Зайчата слушают разинув рты, а Зайка протягивает им горсть орехов и говорит:

— Идите, играйте. И помните: делиться — это не значит терять. Это значит умножать.

И они убегают, счастливые, а Зайка смотрит им вслед и улыбается. В его норе всё ещё есть немного морковки, но теперь он знает главное сокровище, которое не лежит в земле. Оно стучит в его груди — большое, тёплое и щедрое сердце, которое научилось благодарить.

Спасибо тебе, Медвежонок. За воду. За дружбу. И за то, что ты просто есть.

Вот и вся сказка. Короткая, как глоток воды, и длинная, как благодарность, которая не умирает.

Сказка о веточке и скворце

Глава 1. Рождение гордости

В самом центре Старого Леса, там, где вековые дубы перешептывались с кедрами, а березы роняли серебряные слезы по весне, стоял Великий Клен. Он был так стар, что его корни уходили в самую глубь земли, к подземным источникам, а крона касалась облаков. На этом клене, на самом солнечном, самом южном суку, жила маленькая Веточка.

Она родилась весной, когда сок бежал по стволу с такой силой, что почки лопались от нетерпения. Веточка была не простой, а «элитной», как шептались между собой листья. Она появилась на свет из самой крупной, самой тугой почки, которую солнце целовало с утра до вечера. Мать-Клен вложил в неё всю свою силу, и она росла не по дням, а по часам, раскинув свои юные, но уже крепкие ответвления.

Веточка была красивой. Несомненно, самой красивой веточкой на всём дереве. Её кора имела не просто серый цвет, а благородный серебристо-оливковый оттенок, переливающийся на солнце. Её листья распускались раньше всех — нежные, резные, с тончайшими прожилками, которые на просвет казались золотыми нитями. Осенью они не желтели, как у других, а становились багряными, словно королевская мантия, и держались дольше всех, даже когда первые заморозки уже щипали ствол.

— Посмотрите на меня, — любила говорить Веточка соседним веткам. — Я — венец творения этого дерева. Мои листья танцуют лучше всех на ветру. Моя кора глаже, чем шёлк. Мои почки набухают первыми, и в них больше жизни, чем во всех ваших почках вместе взятых.

Другие ветки, пониже и попроще, молчали. Они были скромнее, радовались солнцу, дождю, птицам, которые садились на них отдыхать. Но Веточка была слишком занята собой, чтобы замечать кого-то, кроме своего отражения в каплях росы.

У неё была привычка каждое утро, когда роса ещё не высохла, наклонять свой кончик вниз и смотреться в большую, круглую каплю, висящую на её собственном листе. Она видела в ней свой изгиб, свой блеск, свои совершенные прожилки и вздыхала:

— Ах, какая я красивая. Как могло такое чудо вырасти на этом старом, морщинистом стволе? Мне, наверное, суждено стать чем-то великим. Может быть, меня сорвёт какой-нибудь ботаник, засушит и поместит в гербарий, где я буду вечно красоваться среди самых редких растений. Или какой-нибудь поэт увидит меня и напишет стихотворение. Или я стану самой главной веткой на этом дереве, и все остальные будут мне кланяться.

Она не замечала, как её гордость раздражает соседей. Ближайшая соседка, старая Ветка-толстушка, которая росла ниже и была вся в узловатых наростах, однажды не выдержала:

— Эй, красавица, — скрипнула она своим корявым голосом. — Ты бы поменьше любовалась собой и побольше слушала, что тебе шепчет ствол. Ты ведь всего лишь маленькая часть большого организма. Без нас, без корней, без сока, который мы качаем, ты бы засохла за один день. Гордость — она хороша, когда есть за что, но ты гордишься только тем, что тебе дали другие.

Веточка фыркнула:

— Тебе не понять, старая коряга. Ты вся в шишках и трещинах. Ты не знаешь, что такое быть совершенством. Я не нуждаюсь в твоих советах.

Она отвернулась и продолжила любоваться собой. Она не замечала, как корни дерева добывают для неё воду, как листья испаряют влагу, создавая движение сока, как кора защищает её от морозов. Она считала, что её красота — это исключительно её собственная заслуга.

Проходили дни, недели, месяцы. Веточка расцвела пышно, выпустила множество боковых побегов, каждый из которых тоже был красив. Она стала главным украшением Клена.

Птицы вили гнёзда на других ветках, потому что Веточка не позволяла приближаться к себе — боялась, что перья испачкают её кору или что птенцы помнут её листья.

— Кыш, кыш! — кричала она на синиц, которые подлетали слишком близко. — Здесь не место для ваших грязных гнёзд. Ищите себе приют где-нибудь подальше, на тех уродливых сучьях.

Синицы обижались и улетали. Дятел, который стучал по стволу, иногда задевал её, и она возмущённо тряслась:

— Ты, невоспитанный птиц! Ты портишь мою кору своей долбёжкой! Разве не видишь, какой я драгоценный экземпляр?

Дятел только вздыхал и перелетал на другое дерево. Веточка оставалась в гордом одиночестве, считая, что это не одиночество, а «избранность». Ей казалось, что она не такая, как все. Она — особенная. Она — единственная и неповторимая.

Глава 2. Предчувствие беды

Но в природе нет ничего вечного, и гордыня всегда идёт перед падением — буквально или фигурально. Веточка, убаюканная своей красотой, не обращала внимания на знаки, которые подавал ей мир.

Сначала она заметила, что её листья стали тяжелее. Не потому, что налились соком, а потому, что она выпустила их слишком много. Каждый лист требовал питания, каждый новый побег тянул сок из ствола. Она росла вширь, разрасталась, но её основание — то самое место, где она крепилась к суку — оставалось тонким. Оно не укреплялось, потому что все силы уходили на показную красоту, а не на прочность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.